

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Максимъ Горькій самъ недоволенъ своими „Мѣщанами“, находитъ эту пьесу на сценѣ скучной и тоскливой.

Тутъ можетъ быть сказалась излишняя требовательность автора къ собственному произведенію.

Но пьеса эта дѣйствительно скучная, тоскливая, впечатлѣніе отъ нея безотрадное. Зритель чувствуетъ, какъ будто его посадили въ мѣшокъ отъ муки и потомъ крѣпко завязали. Барахтайся сколько угодно, благодари небо, если полотно мѣшка пропускаетъ хоть немного свѣта и задыхайся отъ пыли, забивающейся и въ ротъ и въ носъ.

Скука, тоска!

Конечно, въ „Мѣщанахъ“ Максимъ Горькій не сказалъ новыхъ словъ въ области театральнаго искусства.

Это не подражаніе Чехову, потому что для этого М. Горькій слишкомъ талантливъ, но все-таки это произведеніе Чеховской школы.

Недавно въ Александринскомъ театрѣ давали „Чайку“ — пьесу имѣющую, кажется, только историческое значеніе, какъ дебютъ „чеховщины“, получившей полное развитіе въ „Дядѣ Ванѣ“ и „Трехъ сестрахъ“.

„Чайкѣ“ публика аплодировала, какъ аплодируетъ она и всей новѣйшей театральной школѣ тоски и унынія.

Говорятъ, что успѣхъ „чеховщины“ — подражателей развелось теперь множество — просто слѣдствіе моды.

Наврочали, молъ, о „Мѣщанахъ“ и „Трехъ сестрахъ“, вотъ всѣ и бѣгутъ смотрѣть эти скучныя пьесы.

Это глубокая неправда. Русская публика, быть можетъ, наиболѣе чуткая, чѣмъ зрители любой націи. мода всегда сопутствуетъ истинному таланту, но у насъ на одной дутой славы долго не удержишься.

Я не стану говорить о томъ, что пьесы Чеховской школы дѣйствительно представляютъ новое слово въ театральномъ искусствѣ.

Этого не могут отрицать и противники и худители.

Но огромное значеніе этихъ пьесъ заключается въ томъ, что онѣ соотвѣтствуютъ общему настроенію, что онѣ заставляютъ задумываться надъ величайшимъ роковымъ вопросомъ о „ненужности“ жизни.

Этотъ мотивъ затрагивалъ еще Щедринъ, описавшій супружескую чету, вѣчно полную заботу объ увеличеніи заработка, изнывающую, лишающую себя отдыха и всякой радости жизни, вѣчно подавленную рабимъ ужасомъ передъ завтрашнимъ днемъ. И вотъ, когда случайно эти супруги, всю жизнь не испытавшіе даже мимолетнаго наслажденія, подвели итоги, они ужаснулись пройденнаго ими пути, на которомъ ничего не было кромѣ тоски, страданія и страха.

— Для чего мы жили? Для кого или для чего послужило это ненужное существованіе?

„Ненужное“—это звучитъ въ ушахъ, какъ похоронный звонъ, какъ ступь земли о крышку гроба, въ который сошелъ изстрадавшійся физически и нравственно, изможденный, никому ненужный человекъ.

Да, „чеховскія пьесы“, къ которымъ смѣло причисляю и „Мѣщанъ“, скучны, тоскливы и безцвѣтны.

Но лишь потому, что скучна, тосклива и безцвѣтна сама жизнь.

Чеховъ и Горькій сдѣлали ужасное дѣло. Они отказались отъ всякаго самообмана, они не стали выдумывать людей жизни, а поставили передъ зрителями зеркало, въ которомъ эта жизнь отразилась въ ея главныхъ чертахъ. Они вложили въ уста своихъ героевъ (какъ плохо вяжется это слово съ представленіемъ о чеховскихъ персонажахъ) одинъ роковой вопросъ: зачѣмъ мы влачимъ эту ненужную жизнь? И вопросъ этотъ находить тоскливый откликъ въ душѣ каждаго зрителя, какъ доминирующій мотивъ современнаго существованія.

Но, говорятъ, зачѣмъ же этимъ людямъ, и безъ того измученнымъ тоскою жизни, подчеркивать, да еще талантливыми образами, самую эту тоску? Не лучше ли ободрить, показать что-нибудь хорошее, свѣтлое, сильное, хотя бы черезъ призму романтическаго идеализма? Нельзя же все ныть и ныть среди ноющей жизни!

Я беру мнѣніе людей искреннихъ и честно мыслящихъ, неотрицающихъ лицемѣрно уныніе, какъ общественнаго мотива, и желающихъ только подбодрить окружающихъ людей, искренне ими любимыхъ.

Дѣйствительно, не грѣхъ ли показывать тоскующему человеку тоскующій образъ „Трехъ сестеръ“, не грѣхъ ли человекъ, по-горло стоящаго въ тинѣ мѣщанства, зашутать словами Тетерева, не грѣхъ ли звонить въ похоронный колоколь передъ обществомъ, несущимъ въ груди гробъ, въ которомъ исслѣвуютъ и сила и мощь духовныхъ запросовъ и радость и наслажденіе жизни?

Не лучше ли этимъ людямъ, этому обществу показать что-нибудь ободряющее, что-нибудь героическое, чтобы заставило воспрянуть духовныя силы, заставило бы ихъ стремиться къ идеалу?

Я лично не отрицаю пользу романтизма, какъ бодрящаго начала, я не противъ героевъ и сильныхъ личностей... Боже мой, да развѣ всѣ мы не изнываемъ въ поискахъ этой духовной силы среди нравственной дряблости, этой гордо поднятой головы среди колѣнопреклоненныхъ и ползающихъ во прахъ рабовъ!

Такъ вѣдь надобла эта вѣчная возня съ пошлостью, съ мѣщанствомъ, съ мелкими душонками, съ жалкимъ изнываніемъ дряблыхъ людей, съ грязной накліью жизни.

Но гдѣ взять героическіе образы? Что же, лгать? Придумывать то, чего нѣтъ въ жизни, заткнуть уши, завязать глаза, нюхать ободряющіе духи, чтобы не слышать тяжелыхъ испареній болота, взять въ ротъ сладкій леденецъ, чтобы не чувствовать горечи жизненнаго напитка, водить руками по мраморному изваянію, чтобы ощущать красоту формъ вмѣсто костляваго тѣла дѣйствительности—и потомъ, обманувъ всѣ пять чувствъ, взяться за перо и написать „Сонъ Улады“ Голицына-Муравлина.

Вот образец бодрящихъ пьесъ, да еще на почвѣ новаго славянофальства.

— Будемъ русскими, не будемъ заимствовать все у чужихъ и насъ ждетъ жизнерадостный союзъ съ русской Усладой.

Хорошо поетъ Голицынъ, звучна и прекрасна его стихотворная проза и даже шевелить что то въ нашей душѣ: вѣдь мы, русскіе, отказаться отъ любви къ русскому—это вѣдь насиліе надъ собой. . . Но вотъ Леонидъ Андреевъ въ своемъ новомъ, еще не напечатанномъ произведеніи, проводитъ мысль, что мы русскіе—„иностранцы“, живущіе на территоріи, называемой Россіей. . .

Правъ или нѣтъ талантливый Андреевъ, но по совѣсти, нѣтъ у насъ подъема славянофильскаго духа и не будить его фантастическій „Сонъ Услады“. . .

Не лишенный драматическаго дарованія кн. Сумбатовъ, онъ же Южинъ, умный и талантливый актеръ, въ цѣломъ рядѣ пьесъ пытался противопоставить дряблости и пошлости сильныя личности.

Злые языки говорятъ, что Южинъ пишетъ эти пьесы для самого себя, такъ какъ любитъ играть энергичныхъ и сильныхъ людей, соответствующихъ его бодрому духу и сильной фигурѣ. Говорятъ также, что во всѣхъ его драматическихъ произведеніяхъ отводится всегда мѣсто для „большой кокетки“ въ расчетѣ на талантливую игру г жи Лешкевской.

Фигура у Южина дѣйствительно не дюжинная, въ ней чувствуется скрытая сила, энергія и наступательная дерзость, но увы!—Намъ какъ то плохо вѣрится въ его сильныхъ героевъ.

Мы видимъ наступательную дерзость, мы готовы силѣ простить многое, но дѣйствительной силѣ, свободной и самостоятельной, во не можемъ увлекаться агрессивными личностями дѣйствительности, ловко приспособляющимися ко всему, хотя и несомнѣнно энергичными, — разными Раммами и Зейфертами. Конечно можно вообразить себѣ личности сильныя и помимо наступательнаго дерзновенія на окружающихъ близъ нихъ. . . вообразить можно, но гдѣ онѣ въ дѣйствительности?

Встрѣчаются личности, почему то воображающія себя сильными.

Я помню одного такого русскаго человѣка. Онъ читалъ Ницше, говорилъ, что все дозволено, утверждалъ, что переступить черезъ все и не оглянется, когда свади по дорогѣ будетъ пищать. Онъ насканивалъ на жизнь, лихо поднявъ забрало съ копьемъ на перевѣсѣ, онъ рушилъ и громилъ все на пути. . . конечно на словахъ. Въ дѣйствительности онъ былъ тѣмъ, что мѣтхо окрестилъ русскій народъ „цыплячьей смертью“, онъ былъ рабомъ жизни, разныхъ Раммовъ и Зейфертовъ.

Единственнымъ проявленіемъ его агрессивности было то возбужденное состояніе, когда онъ достаточно принималъ во внутрь спиртные напитки и, бія себя въ перси, восклицалъ:

— Я рыцарь духа, я—сверхчеловѣкъ!

На этотъ порывъ вѣчный собутыльникъ неизмѣнно замѣчалъ:

— Не хвастай, Колька, не хорошо! Выпьешь на грошъ, а вуржишься на полтинникъ.

Мы стремимся къ сильнымъ личностямъ, мы жаждемъ жизнерадостности, бодрости и энергіи, мы готовы обожать героевъ, но нельзя же, господа, ихъ придумывать и заставлять насъ

вѣрить въ то, на что жизнь не даетъ даже намека.

Мы болѣемъ сознаемъ ненужности и пошлости жизни и привѣтствуемъ талантъ Чехова, Горькаго и Найденова, потому что родной и знакомой намъ болью болѣютъ эти писатели.

А разные „Сны Усладъ“ кажутся намъ даже какимъ то вызовомъ, какимъ то оскорбленіемъ наболѣвшаго чувства. Радуются этимъ „Снамъ“ только люди не трезвые отъ природы или подбодрившіеся у буфета случайно.

Трезвому человѣку не до „Усладъ“.

Сергѣй Соломинъ.